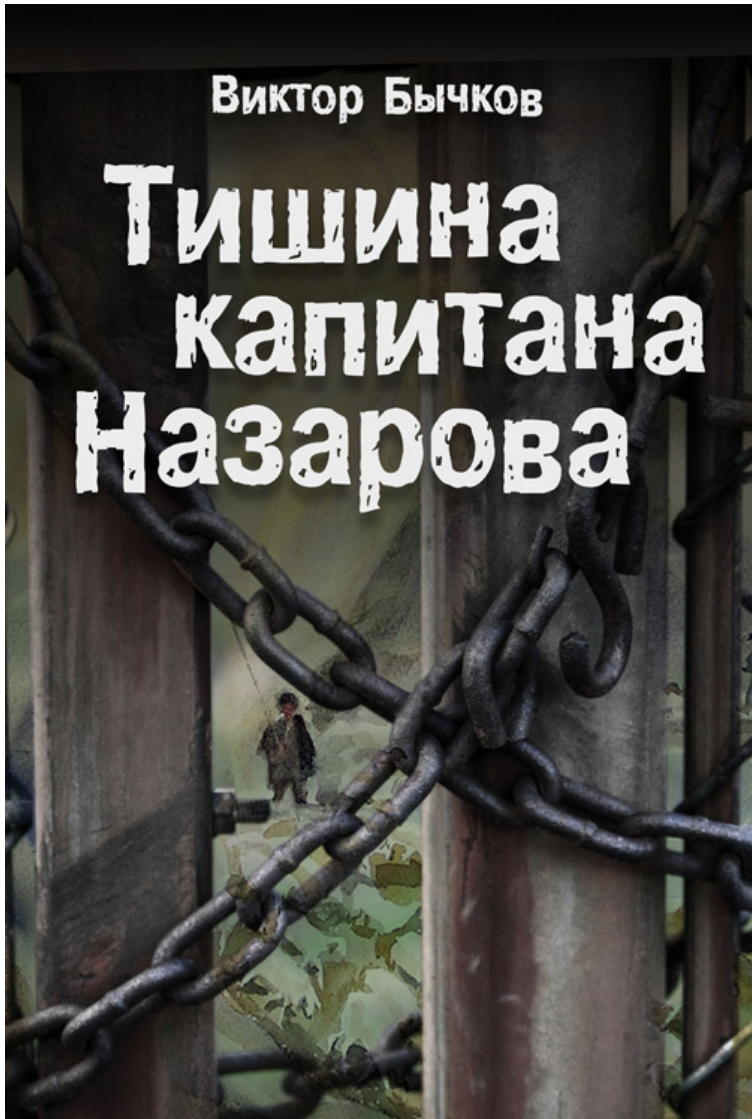

Виктор Бычков

Тишина капитана Назарова

Виктор Бычков

Тишина капитана Назарова

Текст предоставлен издательством "Издательство Книгу"
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5816544

Аннотация

...Он слышал об этом, знает из прессы, что многие жители гор держат рабов. В цивилизованных странах, в приличных семьях держат собачек, породистых кошек, попугайчиков, а здесь рабов. Во-о, дикость! Пещерный век. Читаем об этом в книгах по древней истории. Звучит дико в наш продвинутый двадцать первый век, но это так. Всегда казалось, что с ним, Василием Назаровым, такого никогда не может случиться по определению. Да и вообще так не живёт уже давно весь мир. А вот, поди ж ты...

Содержание

1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Виктор Бычков

Тишина капитана Назарова Повесть

1

Василий Петрович Назаров сидел в зале ожидания железнодорожного вокзала Ростова-на-Дону, коротал время, ждал объявления посадки на поезд до Волгограда. Ему нужен был не сам героический город Сталина, а небольшой городишко Котельниково, что имел неосторожность раскинуть свои серые, невзрачные домишки почти на полпути между областными центрами в калмыцкой степи. Собственно, этот населенный пункт больше известен как крупный железнодорожный узел. Ничего примечательного ни в самом городе, ни в его степных окрестностях не было. Так, заштатный городишко Российской империи, то бишь Российской Федерации. Не так давно он был знаменит учебным аэродромом от Качинского училища летчиков. Но... Перемены в стране не минули и прославленную, образованную по велению последнего царя России в самом начале двадцатого века кузницу воздушных асов, канула она в Лету, утащив в небытие, в забвение за собой и учебный аэродром в Котельниково. Впрочем,

такая же участь постигла почти все военные училища бывшего СССР. Новая Россия во весь голос заявила о своей мирной политике, полностью исключив из военной доктрины такие понятия, как «враги», «обороноспособность», «национальная безопасность».

«Ну, дай-то Бог нашему теляти да вовка зысты» – пришла на ум поговорка товарища по службе Толика Диденко, украинца, как раз по поводу государственной безопасности. Василий Петрович перебирает в памяти события прошедшей недели, блаженно улыбается, вспоминая встречу бывших сослуживцев. Помимо обязательных в таких случаях «как ты?» да «где ты?», этот вопрос, вопрос безопасности страны, состояние ее Вооруженных сил буквально не сходил с уст офицеров запаса. Мужчина хотел было произнести напрашивающееся выражение «бывшие офицеры», но тут же одернул себя: бывших офицеров не бывает по определению. Он, офицер, если есть, то на всю жизнь или его попросту нет. «Государевы люди», они и в отставке продолжают мыслить не своими заботами, болячками, а интересами государства. Что с них взять? Такова их судьба. Тот коммунистический лозунг «Раньше думай о Родине, а потом о себе» это поколение офицеров еще понимала буквально так, как лозунг того и требовал. Находили в этом смысл жизни и ничуть не сожалели о своем выборе профессии эту же Родину и защищать. Вот такие они, их не переделать.

Перед тем, как разъехаться по своим теперешним местам

жительств, сходили еще раз на квартиру однокашника Юрки Мамонова, навестили летчика от Бога, выпускника Качи. Еще в конце 90-х в том последнем боевом вылете на верном Су-24 ему не повезло: был сбит ракетой над зеленой зоной в Чечне. И когда опускался на парашюте, «духи» изрешетили тело пилота, перебив позвоночник и все остальное, что можно было перебить. Спасли, вывезли к своим подоспевшие десантники, спасибо им. Но инвалидом остался, как не колдовали над ним лучшие военные медики.

Посидели, поговорили, само собой – выпили, вспомнили все и всех. Василий Петрович ушел чуть раньше остальных, отказался от провожающих. Лишнее все это. Зачем беречь душу лишней раз? Мужики мы или кто? Рассусоливать, плакаться в жилетку – ни к чему. Не маленький. Не первый раз с этого вокзала и на этом поезде ездит. Да он уже и привык за последнее время к одиночеству, шумные компании стали тяготить его с некоторых пор.

Назаров не был летчиком, хотя и оканчивал знаменитое Качинское летное училище. Буквально на последнем курсе уже перед выпуском в войска медики обнаружили в его теле болячку, с летной работой несовместимую. Да, переживал, да, страдал. Но конца света не видел, трагедии из этого не стал делать, а перешел служить в батальон обеспечения при авиационном полку. Начал с должности заместителя командира автомобильной роты. С нее же после многочисленных рапортов отбыл в Демократическую республику Афга-

нистан, где верой и правдой приступил исполнять интернациональный долг в Кандагарском авиационном гарнизоне.

Всякое бывало. В атаку не ходил, однако несколько раз в колонне пригонял из СССР автомашины для нужд отдельного батальона аэродромно-технического обеспечения. Попадал под душманские обстрелы, но Бог миловал, выходил целым и невредимым, хотя рядом гибли, получали ранения сослуживцы. За спины не прятался, однако и голову зря не подставлял. Показушный героизм – бравада, самоубийство, а лейтенант Назаров жизнь любил, чего уж скрывать. Но и в трусости его никто, да и он сам себя упрекнуть не смогут. Отправляли лейтенанта в различные командировки, чаще всего рискованные, где грань между возможностью выжить или попасть в сводку боевых потерь была сведена к минимуму, была настолько незримой, что даже волосы потеряли молодой, «шатенистый» цвет, превратив за короткий срок голову двадцатитрехлетнего лейтенанта в седую, «как лунь», башку. «Седая башка» – не раз слышал в свой адрес лейтенант, не понимая, то ли это упрек, то ли это сказано уважительно. Командиры и подчиненные доверяли ему, верили, надеялись на него. Значит, без лишней скромности, он того стоил. Ежу понятно: кого командование отправит в столь рискованный вояж? Конечно, молодого зампотеха. «Для забавы и для смеха держат в роте зампотеха» – вот и затыкал своим молодым лейтенантским телом все дырки, которые возникали в тыловой части авиационного полка. Это к слову, что среди

офицерского состава нет так называемой «дедовщины». А куда бы она делась? Ну, не пойдет же в караул на новогодние праздники убеленный сединой капитан или майор, за спинами которых накрытые салатами оливье столы с домочадцами. Это святое дело молодого лейтенанта. Так и с командировками в СССР из Афганистана. Холостяк, не обремененный семейными узами. Даже если что вдруг и случится, не дай тебе, Господи, так всплакнет мать-старушка перед фотографией сына, и на этом дело «устаканится». Сирот не останется и слава Богу. Ну а девчонка, что называлась невестой и жила ожиданием предложения руки и сердца перспективного лейтенанта с маршалским жезлом в тревожном чемодане? Переболеет, перегорят в ее девичьей груди чистые и светлые чувства к покойному, и выскочит при случае замуж за более удачливого во всех отношениях паренька. Не судьба. Зачастую не люди вершат ее, судьбу-злодейку, а обстоятельства, да, может быть, еще начальство. Оно по определению ближе ко Всевышнему, с ним в одну дудку дуют. Этот тезис капитан Назаров не раз проверял в своей армейской жизни и еще больше уверовал в него: так оно и есть.

Василий Петрович в очередной раз усмехнулся своим мыслям. Вот и на встрече бывших однокашников тоже вспоминали, рассказывали, хвастались семьей, детишками... Только ему, Ваське Назарову, не было чем хвастаться, не было о ком рассказывать.

Сразу после Афганистана вернулся в Котельниково, за-

брал через ЗАГС свою курсантскую любовь Светку Шубину, укатил, увез ее в даль светлую, в такой же, как и родной город молодой жены офицера, заштатный городок пронизывающих ветров и трескучих морозов в Забайкальском крае с нерусским названием Джида. Потом – Благовещенка на Дальнем Востоке; никому неизвестная станция Калманка и учебный авиационный полк в городке Славгороде на Алтае. В период развала страны и Советской армии служил на забытых Богом и людьми Курилах, откуда и уволился, хотя мог еще прослужить годиков этак с пяток до полной выслуги в двадцать пять календарных лет. Однако не смогла душа офицера-государственника смотреть, как трещала, разваливалась некогда несокрушимая и легендарная Красная армия, постепенно превращающаяся в некое пристанище бомжей, воров и неудачников по жизни. Ну, да Бог с ней, с новой армией России. Ему уже не ходить под новую строевую музыку, не пожинать лавров победителя под ее знаменами. Правда, душа болит. Да только кто ее, душу отставного офицера, брал в расчет? Родине до некоторых пор нужно было тело его, а не душа. О душе пусть заботится Всевышний, а не Министерство обороны. Кинули в лицо скромную даже по меркам «гражданки» пенсию, пнули коленкой под зад, и – гуляй, Вася! Ты Отечеству больше не нужен, ты стал обузой для него, отработанным материалом. Ему быстрее бы от тебя избавиться.

Приехали с женой снова в Котельниково к ее родителям.

Ибо так и не выделило родное государство для своего защитника ни единого метра жилой площади, не нашла родина на своем огромном, самом большом в мире, теле места для служившего ей верой и правдой отставного капитана. Воистину, как на защиту звать, так родина-мать, а как расплатится, так мать-волчица. Но он, Назаров Василий Петрович, не в обиде: это его страна, это его родина, какая ни есть, другой не будет. Да и не пристало служивому человеку жаловаться на родину. Он ее защищать обязан, а не сопли жалобно пускать, обидки корчить.

Чинов больших не достиг, звезд с неба не хватал. Ушел капитаном с должности заместителя начальника штаба батальона аэродромно-технического обеспечения там же, на Курилах. И не жалеет.

Детей им со Светкой Бог так и не дал. Где только не лечилась, в какой только госпиталь и санаторий не ездила, но... Не судьба. От того ли, нет, но жена взяла в голову, тосковала, переживала так сильно, что приключилась с ней болезнь страшная, тяжелая, неизлечимая. Начала чахнуть еще на Курилах, а угасла в родительском доме как свеча буквально за полгода. Похоронил Вася свою любимую Свету там же, на окраине городка под звуки военного марша «Прощание славянки», установил надгробный знак в виде стелы с красной звездой на вершине, как и подобает настоящей жене офицера, сам немного пожил в доме тещи, потом снял квартиру, съехал. Не мог смотреть, не мог находиться в том месте,

где все пронизано памятью, духом любимой женщины. Ни единого раза не слышал из ее уст Вася стенаний, жалоб на съемные квартиры, уголки в казармах, что заменяли жилплощадь; на отсутствие жилья, воды в очередном гарнизоне, тепла – в другом, работы – в третьем. Не роптала, смиренно сносила все тяготы и лишения воинской службы, молча собирала нехитрый скарб, молча, не ропща, следовала за мужем в любой край света, в любую «дыру», которую родина считала нужным «заткнуть» ее мужем, а своим защитником... Отдавало всю себя ему, мужу... Как тут не благодарить судьбу, что дала возможность любить и быть любимым такой преданной, сильной женщиной?! Икона, а не женщина! Монумент! Эталон!

– Да-а-а... Жи-и-изнь, – мужчина произнес в голос, огляделся вокруг.

Сновали пассажиры, хрипел как в добрые старые времена динамик, объявляя о прибытии и отправлении поездов. Все было как прежде, но что-то было и ново, чего когда-то нельзя было увидеть и услышать на вокзалах. Нет-нет да проходил наряд милиции с собакой, пристально вглядываясь в лица пассажиров. Развязно вели себя парни в уголке у киоска. Их гортанные крики сменялись громким до неприличия смехом, матами на русском языке, оскорбительными, неприличными выкриками в адрес молодых девушек, что имели неосторожность в тот момент оказаться поблизости. Да-да, вот это как раз и было новым, отметил про себя Назаров.

Раньше было чуть-чуть приличней, спокойней на вокзалах. Не было вот этой развязанности, неприкрытого, демонстративного хамства, граничащего с полным неуважением, пренебрежением к пассажирам как людям.

– Дядя, – Василий Петрович повернул голову. Рядом с ним присел на краешек сиденья небольшого росточка мальчик лет пятнадцати-шестнадцати как принято сейчас говорить «кавказской национальности». Но произношение было чистым, без акцента.

– Слушаю тебя, дружок, – Назаров отметил для себя испуг в глазах, некую робость. Руки паренька нервно теребили шапку, глаза смотрели заискивающе, умоляли.

– Дяденька, проводите меня, пожалуйста, до машины. А то здесь милиция, еще схватят, арестуют.

– С чего ты взял, мил человек? Милиция бережет, а не арестовывает.

– Я же знаю, дяденька. Они нас не любят и придираются безо всяких причин.

И снова Василий Петрович обратил внимание на чистейший русский язык. Обычно у людей кавказских национальностей проскальзывал характерный акцент, а у этого парнишки его не было.

– Хм, так и быть, – мужчина посмотрел на часы: до отправления поезда еще целый час, посадку не объявляли. А почему бы не прогуляться? Да и ноги затекли, не помешает и размяться.

Уже на выходе из зала ожидания навстречу им двинулся сержант милиции, жестом требуя остановиться.

– Со мной, со мной, командир! – Василий Петрович приобнял парнишку, увлекая его к выходу.

Сержант остановился в нерешительности, потом все же махнул рукой, разрешая продолжить движение.

Спустя несколько дней Назаров будет вспоминать эту ситуацию, сержанта милиции, и будет казнить себя последними словами. Остановись он тогда, подчинись законному требованию милиционера, и все было бы иначе. Воистину, благими намерениями вымощена дорога в ад.

– Видите, дяденька, я вам говорил, – паренек теперь уже сам приобнял Василия Петровича, направляя его в угол автостоянки на привокзальной площади. – Во-о-он наша машина. Я посижу в ней, брата подожду. Спасибо вам, дяденька.

Они не дошли до бежевой «Волги» каких-то несколько шагов, как Назаров почувствовал острый, резкий укол в ягодицу. Еще успел обернуться назад, но никого не увидел. Больше он ничего не помнит. Провал в памяти.

Потом были проблески сознания, отрывочные, смутные. Резко воняло бензином. Он лежит, скрючившись, в каком-то небольшом пространстве. Начал понимать, что его везут. Сильно занемело все тело. Сухость во рту сопровождала почти все воспоминания. Обрывочно слышал разговоры, но пошевелиться, произнести хоть слова не мог: не было сил.

Однажды пришел в себя, память, сознание вернулись к нему. Понял, что он лежит в багажнике той самой бежевой «Волги», к которой по собственной доброте и глупости сопровождал парнишку.

Слышал голоса людей, выделял голос того паренька, понимал, что разговор происходит где-то на посту ГАИ.

– Команди-и-ир, какой базар? – проникновенно говорил парень. – Неужели я не понимаю? Всем надо жить. Давай не будем мешать друг другу, а будем помогать. Вот, держи. Купишь жене и детишкам подарки.

Отъехали от поста, машина снова остановилась. Василий Петрович хотел, было, закричать, напомнить о себе, но открылся капот багажника.

– А-а-а, баран, очухался, очнулся?

Тот самый мальчишка наклонился над багажником. Рядом маячило еще одно бородатое лицо.

Назаров не успел произнести и слово, как тут же последовал резкий, острый укол, и снова наступило беспамятство.

Когда в очередной раз пришел в себя, машина стояла, капот багажника был открыт, над ним склонилась целая толпа незнакомых бородатых мужчин.

– Иса, ты кого привез? – среди гортанных звуков разобрал родной русский язык. – Это же пенсионер. Там что, не было молодых и здоровых?

– Извини, дядя, но на вокзале только этот сидел один и откликнулся на мою просьбу пройти до машины. Другие не

хотели даже говорить или были с попутчиками. Так что, как говорят у русских: чем богаты, тем и рады, – развел руками молодой паренек, к которому все обращались по имени Иса.

Только теперь Василий Петрович начал осознавать, что попал в плен к горцам. Раньше он слышал, что исчезают молодые здоровые мужчины из российской глубинки, но никогда не думал, что в качестве пленника окажется и сам.

Сначала выкинули из багажника. Вот именно: выкинули, а не достали или помогли вылезть. Именно бросили у машины на землю, как барана, он лежал, связанный по рукам и ногам крепкой бечевкой. Да-а, баран и есть. Когда-то Назарову приходилось наблюдать, как лежат бараны, подготовленные для заклания. И сейчас сам себя видел со стороны в позе такого же барана.

Когда его развязали, он долго не мог встать на ноги, они подкашивались, не держали его плоть. Даже руками не мог помочь себе встать, они, так же как и ноги, не подчинялись ему. Тогда он прислонился к машине и замер так в ожидании.

А мужчины что-то горячо обсуждали на повышенных тонах, махали руками, совершенно не обращая внимания на пленника.

– Простите, уважаемые, – он решил напомнить о себе, попросить воды: во рту настолько пересохло, что язык и губы еле-еле смогли произнести несколько слов. – Пить, дайте, пожалуйста, воды.

Ему казалось, что он кричит, а на самом деле прохрипел слабым скрипучим голосом.

Но его слышали, и еще через какое-то мгновение перед ним стоял ковшик с водой. Василий Петрович сделал попытку протянуть руку, но она не повиновалась, не хотела слушаться. Он повторял такие попытки еще и еще раз, и все они оканчивались неудачей: руки не слушались его мозга, они жили, нет, существовали отдельно от его сознания. Тогда он лег, почти упал на грудь и жадно припал к воде.

Вокруг него тут же раздался громкий мужской хохот, как будто люди находились в цирке и наблюдали очень смешной трюк. Он не видел, как тыкали в его сторону руками, как закатывались от смеха зрители.

Назаров выпил, вылакал почти всю воду и в бессилии отвалился в сторону, упал лицом вниз, в землю, прислушиваясь к себе, к своему телу. А оно начало оживать. Только сначала помутилось в мозгах, закружилась голова, но стало проходить. Сознание прояснялось, а с ним появлялась и сила в руках и ногах. Он смог снова встать на колени, опять приклониться спиной к машине.

Смех прекратился, все мужики с интересом уставились в пленника.

– Скажите, – произнес Василий Петрович, – это средневековье? Я в племени Ням-Ням или на дворе двадцать первый век и я в родной России?

Он не успел дожждаться ответа, даже не успел обвести

взглядом толпу, как тут же получил сильнейший удар ногой в зубы, его голову отбросило, больно, до искр из глаз, до пустоты в мозгах ударило затылком о машину, и он снова потерял сознание.

Сильно саднило губы, болело во рту, ныла, звоном отдавала голова. Болело все тело. Не было ни единого клочка, суставчика или части тела, которые бы не болели. Пошевелил языком, нащупал выбитые зубы, с трудом выплюнул себе в руку, долго смотрел на них, лежащих в кровавых сгустках, не до конца понимая, что весь этот ужас творится именно с ним, Назаровым Василием Петровичем. Ему все казалось, что он смотрит или сон, или фильм ужасов. Вот сейчас проснется, встряхнет головой и весь кошмар кончится.

Поднял голову: в толпе мужчин появились новые зрители. Детишки протискивались у ног взрослых, с интересом наблюдали за происходящим. Чуть в отдалении стояла толпа женщин в непривычных для пленника одеждах.

– Ну что, баран? – перед ним присел на корточки тот самый паренек Иса.

Вот сейчас Василий Петрович смог хорошо разглядеть его, увидеть до синевы чисто выбритое лицо, коричневые, чуть-чуть навывкате глаза, правильной формы нос с тонкими, хищными ноздрями, которые слегка подрагивали. Плотные сжатые губы имели чуть фиолетовый оттенок. И он не показался больше ребенком. И голос был далеко не детским. Напротив, перед ним сидел достаточно взрослый молодой

человек лет двадцати пяти.

– Ну что, дядя? – снова повторил парень. – Что ж ты меня так подвел? На самом деле ты пенсионер?

Василий Петрович провел руками по карманам: они оказались пустыми.

– Посмотри в паспорт, – прошамкал пленник. – Если грамотный, прочтешь.

Опять удар отбросил Василия Петровича, он ударился головой о машину, упал на землю, растянувшись. Вокруг одобрительно зашумела толпа.

– Ты что, баран, Иванушка-дурачок, еще не понял, где находишься? – зловеще прозвенел голос Исы.

Хватило сил подняться, прислониться к машине, взглянуть открыто в глаза парня.

– Вот уж никогда не подумал бы, что гордые и сильные сыны гор способны глумиться над беззащитным человеком.

Увернуться от удара не успел и снова оказался лежащим на земле. Потом били ногами, били остервенело, с придыханием, с хаканием. Он уже не уворачивался, не защищался, сил хватило лишь прижать ладони к лицу, подтянуть ноги, скорчиться.

Очнулся, пришел в себя от воды, что плеснули в лицо. Еще какое-то мгновение лежал, потом все же сделал попытку подняться, встать на ноги или хотя бы сесть. Почему-то в мозгу засела, занозой застряла одна единственная мысль: умереть стоя, лицом к смерти. Он где-то читал это в ка-

кой-то патриотической литературе. Тогда не понимал героя той книги, считая излишней бравадой, позерством. А вот сейчас понял, нутром почувствовал необходимость встать на ноги, встретить смерть лицом к лицу. Считал, что ему, человеку здравомыслящему, уважающему себя как личность, нужно поступить именно так: встать глаза в глаза со смертью, со своими убийцами. Он повержен, повержен физически, но не покорен. Душу его сломать не удастся. О том, что его сейчас убьют, он уже не сомневался. За свои неполные пятьдесят лет жизни он видел всякое, немного разобрался в людях. Этих, который глумились над ним, он уже людьми не считал, сравнивая их с душманами, со зверями. Нет, зверей он тоже немного знал, знал, что зверь никогда не нападет на жертву просто так. А вот эти люди нападали, били его, и возможно, сейчас убьют.

Он знал, что есть категория людей, что звереют при виде крови. Есть другие, что упиваются своей силой, вседозволенность вскружает им голову, они тоже сходят с ума в издевательствах над себе подобными. К какой категории относятся эти особи в человеческом облики, что терзают его тело? Он не знал.

Вспомнился вдруг Робинзон Крузо, сцена с поеданием человека людоедами. Скажи или услышь, что вот сейчас эта толпа людей понесет на вертеле его, Василия Петровича Назарова, капитана в отставке, да и вообще просто современного человека, на костер, чтобы зажарить и съесть, он бы уже

не удивился, настолько разуверился в человеческих началах толпы бородатых людей.

Ему снова связали ноги и руки, перенесли в тень сложенного из камня забора, оставили там. Взрослые ушли. На смену им пришли дети, удивительно много детей, мальчиков и девочек. Они с любопытством рассматривали Назарова, как какую-то диковинку, что-то обсуждали между собой, приближаясь к нему все ближе и ближе.

Василий Петрович никогда не вникал в обычаи горских народов, но прекрасно понимал, что детей, так же как и женщин, трогать, оскорблять нельзя. Потому и молчал, ни единым звуком, движением не давая повода детишкам к агрессии, к агрессии против себя.

Опустил голову, молча сидел, лишь исподлобья наблюдал за малышней. Первым потрогал, прикоснулся к нему мальчишка лет десяти. Он ладошкой толкнул пленника в плечо и тут же сам отпрянул в сторону. Это понравилось остальным. Дети загалдели, смелее подступили к пленнику, толкая и щипая его. И снова Назаров ни единым жестом не ответил ребятишкам, продолжая не обращать внимания на их выходки.

Тот мальчик, что прикоснулся первым, первым же и бросил в Назарова камешек. Небольшой такой камешек, что отскочил от головы пленника, не причинив особой боли. Его примеру последовали и остальные. Еще через какое-то мгновение в пленника уже летел град камешков и камней. Он не успевал уворачиваться, они ударили сильно, причиняя ему

все большую и большую боль. Назаров не придумал ничего другого, как упасть на землю, прикрыть голову руками, благо, они были связаны спереди, и замереть так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.